

становится процедурной характеристикой обоснования принципов нормативного порядка и действует не столько на уровне признания значимости норм порядка, сколько на уровне институционализации ценностных представлений. Так, культурно-легитимной основой конституции США была естественная философия права, которая сохранилась и в XX в. Например, конституционный суд США в 1923 г. отклонил поправку к конституции, лишавшую женщин права голоса, как нарушение принципов естественного

права. В современной конституции Германии те же легитимирующие ценности конституции обосновываются теологически. Принцип личной свободы выводился из христианской заповеди неприкосновенности человеческой жизни («не убий»).

Итак, предлагаемая историческая типология легитимации нормативного требует дальнейшего сравнительного конкретно-исторического анализа.

LEGITIMATION TYPOLOGIES OF NORMATIVE ORDER

N.I. Chernobrovkina, PhD in Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Regional Studies of the Institute for Retraining and Improvement of Teachers' Proficiency in Humanities and Social Sciences of Southern Federal University

In the article three types of legitimation of normative order are considered: charismatic type which legitimates imperious order; traditional type which legitimates ascriptive order; and pluralistic type of legitimation of achievement order. The historical characteristic of change of cultural legitimation is used as the criterion of the typology. Besides, the transition from legitimation of ascriptive type order to achievement type is important for studying the modernity.

Key words: legitimation, normative order, sacralization, secularization, inversion, ascriptive type, achievement type.

УДК

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ КОНЦЕПЦИИ СОЛИДАРНОСТИ

В.Т. Жалкиев, начальник отдела организации научных исследований и научной информации Краснодарского университета МВД России

Представлен общий обзор социально-философских концепций социальной солидарности в учениях Т. Парсонса, А. Шютца и Г. Дж. Блумера. Проведен анализ роли и значения проблематики в структурном функционализме и интеракционистских подходах.

Ключевые слова: солидарность, социальная философия, феноменология, структурный функционализм, символический интеракционизм.

В современной социальной философии сложилось несколько основных направлений категоризации проблематики социальной солидарности, группирующиеся в самом общем виде в структурном функционализме и интеракционистских подходах.

В структурном функционализме Т. Парсонса солидарность рассматривается в контексте проблематики интеграции социальной системы. Поскольку развитие последней происходит по принципам дифференциации и усложнения, интеграция понимается как выработка единых функциональных и ценностных оснований для встраивания новых элементов в систему. Характерно, что Парсонс активно использует при рассмотрении данных процессов категориальный аппарат интеракционистской парадигмы.

Как известно, общая система человеческого действия, по Парсонсу, обусловлена комплексом социальных детерминаций в социальной системе, системе личности и системе культуры. Детерминации социального действия носят, безусловно, знаковый характер в построениях американского социолога. Система координат действия предполагает, согласно Парсонсу, «ориентацию одного или более акторов на ситуацию, включающую других акторов. Тем самым схема единиц действия и взаимодействия является схемой отношений» [1, р. 139]. Парсонс подразделяет мир объектов, входящих в схему отношений, на социальные, физические и культурные объекты. Под социальным объектом подразумевается любой данный индивид, будь это другой (*alter*), ты сам (*ego*) или некое сообщество. Физическими объектами являются эмпирические сущности, не вступающие во «взаимодействие» с актором. Наконец, под культурными объектами Парсонс понимает «символические элементы культурной традиции, идеи или верования, экспрессивные символы, или ценностные образцы, коль скоро они трактуются индивидом как ситуативные

объекты и не усвоены как сущностные элементы структуры его лично ти» [2]. Фундаментальным свойством действия является, по мнению американского мыслителя, то, что оно не заключается исключительно в *ad hoc* реакциях на конкретные ситуативные стимулы. Напротив, актор развивает систему ожиданий в отношении различных объектов ситуации. На основании этих ожиданий он и формирует свои действия с учетом собственных потребностей и возможностей их удовлетворения, зависящих от различных вариантов его возможного действия. Разнообразные элементы ситуации приобретают, указывает Парсонс, особые смыслы для эго в качестве знаков или символов, относящихся к системе его ожиданий. «Эти знаки и символы служат в качестве средств коммуникации, и в тот момент, когда возникает такая коммуникативная символическая система, мы можем говорить о началах культуры, становящейся частью системы действия» [3]. Таким образом, делает вывод Парсонс, социальная система состоит из множества взаимодействующих друг с другом в данной ситуации индивидуальных деятелей, стремящихся к «оптимизации удовлетворения», чье отношение к ситуации и друг другу в ней определено и опосредовано системой культурно-структурированных и общих символов [4].

Роль и структура символических систем в социуме рассматривается Парсонсом прежде всего сквозь призму их связи с различными аспектами системы действия и их отношения к коммуникации и культуре. Рассматривая проблему возникновения символов, социолог подчеркивает социальность их происхождения. «Символизирование, – пишет Парсонс, – не может возникнуть или функционировать без взаимодействия акторов, и индивидуальный деятель способен усвоить символические системы только через взаимодействие с социальными объектами» [5].

Для того чтобы процесс взаимодействия приобрел структуру, значение знака должно быть абстрагировано от частностей данной ситуации, считает социолог. То есть это значение должно быть стабильным, вне зависимости от вариаций действий как эго, так и другого, несмотря на все возможные комбинации их отношений. Парсонс неоднократно подчеркивает необходимость стабильности символических систем, их относительной независимости от частных ситуаций для высокого уровня развития систем человеческого действия. Именно благодаря этой устойчивости и может возникнуть социальная солидарность как коммуникация или система общепринятых символов, функционирующая в социальном взаимодействии и называемая социологом *культурной традицией* [6].

На стабильность системы и характер ее функционирования, согласно Парсонсу, оказывают воздействие не только действия осуществленные, или актуальные, но и действия предполагаемые, или потенциальные, обусловленные соответствующими представлениями взаимодействующих сторон. В качестве необходимых процессов для поддержания равновесия системы Парсонс определяет, во-первых, *размещение* и, во-вторых, *интеграцию*. Под *размещением* социолог подразумевает «процесс, поддерживающий распределение компонентов или частей системы, совместимое с поддержанием данного состояния равновесия» [7]. Под *интеграцией* же он понимает процессы, благодаря которым «отношения к окружающей среде опосредуются таким образом, чтобы отличительные внутренние признаки и границы системы как отдельной сущности сохранялись перед лицом вариабельности внешних ситуаций» [8].

Социальный теоретик особо подчеркивает, что самоподдержание системы есть не только сохранение границ, но и сохранение специфичных отношений частей системы *внутри* данных границ. Тем самым самоподдержание предполагает контроль и над внешними вариациями, и над тенденциями к изменению (т. е. преобразованию специфичного состоя-

ния), идущими изнутри самой системы. Это Парсонс относит в равной мере ко всем эмпирическим сущностям – как к системе личности, так и к социальной системе.

Солидарность в построениях американского теоретика является, таким образом, феноменом, с одной стороны, объективированного характера, как и социальная система вообще, с другой стороны – максимально динамичным явлением, обусловленным комплексом повседневных взаимодействий акторов. Тем самым солидарность выступает главным условием поддержания стабильности и воспроизводства социальной системы и сама воспроизводится за счет непрерывающегося контроля над изменениями, идущими как извне, так и снаружи системы. Очевидно, что такой подход к солидарности до известной степени продолжает линию, определившуюся в классических работах по социальной теории: Парсонс фактически говорит о том же насилии и о той же социокультурной компоненте (символах), что и представители раннего этапа социального теоретизирования.

Соответственно феноменологической социологии А. Шютца, основным источником социальной солидарности выступает прагматический мотив, определяющий стремление индивида достигнуть согласия с доступным ему жизненным миром. Мир моей повседневности, указывает австро-американский теоретик, никоим образом не является моим частным миром, он с самого начала intersубъективен, разделяем с моими «сосоварищами», переживается и интерпретируется *другими*. Короче говоря, этот мир – общий для всех нас. Уникальная биографическая ситуация, в которой я обнаруживаю себя внутри и мир а в каждый из моментов моего существования, есть продукт моего творчества только до известной, очень небольшой степени, считает Шютц. Я всегда обнаруживаю себя внутри исторически данного мира, который как мир природы или как социокультурный мир существовал до моего рождения и продолжит свое существование

после моей смерти. Это означает, что данный мир есть среда не только моя, но и моих «сотоварищей». Более того, подчеркивает мыслитель, эти сотоварищи являются элементами моей собственной ситуации, так же, как я – элемент их ситуаций. Воздействуя на *других* и испытывая их воздействие на себе, я осознаю эти взаимные отношения, и это осознание предполагает, что *другие* переживают общий мир в значительной степени тем же образом, что и я, в «эмпирически идентичной манере», по выражению Шютца. Восприятие же содержания сознания *другого* предполагаемое социальными ситуациями, не может быть осуществлено, настаивает исследователь, иначе как через трансценденцию сфер повседневной жизни, апелляцию к «конечной области значения», т. е. символизирование [9].

Именно в контексте проблемы взаимного восприятия Шютц использует термин *знак* (sign), который он определяет как инструмент, используемый для «обозначения объектов, фактов, или событий внешнего мира, восприятие которых аппрезентирует для интерпретатора содержание сознания его сотоварища» [10]. Коммуникация основана прежде всего на целенаправленных знаках, указывает социолог, поскольку коммуникатор имеет, по крайней мере, намерение быть понятым адресатом, если не склонить его к соответствующим реакциям. Конечная успешность коммуникации предполагает известную «степень конгруэнтности» общих абстракций и стандартизации в данном обществе и вытеснение мыслительных объектов индивидуального опыта типизированными конструктами общественных мыслительных объектов.

Шютц неоднократно подчеркивает, что наш опыт изначально организован в соответствии с определенными моделями, утверждая тем самым, практически в духе неокантианства, не что иное, как априорность социального знания и опыта.

Таким образом, солидарность в подходе мыслителя выступает своего рода априорным, социально предопреде-

ленным феноменом. Её можно было бы также обозначить, в духе Бергсона, в качестве родовой характеристики человечества, не будь Шютц столь равнодушен к биологическому началу социальных отношений. Общество возникает, по словам ученого, в неко й начально й то же, в которой появляется, условно говоря, «начальная интерсубъективность», однако функционирует оно уже у Шютца в своеобразном рутинизированном виде. Показательно в этой связи, что у мыслителя практически полностью отсутствует второй существенный элемент солидарности – насилие, если, конечно, не считать таковым «насилие символических форм», в которых застигает себя индивид и с которыми, по Шютцу, ему ничего не остается делать, как принять.

В контексте проблематики социальной солидарности Г. Дж. Блумер формулирует три основных постулата символического интеракционизма. Первый заключается в признании того факта, что человеческие существа действуют по отношению к предметам на основании значений, которые данные предметы имеют для них. Эти предметы включают всё, что окружает человека: физические объекты, другие человеческие существа, их категории (друзья, враги, и т.д.), социальные институты, идеи, действия других и ситуации повседневной жизни. Второй постулируемый принцип гласит, что значение этих предметов возникает не иначе, как в ходе социального взаимодействия, в которое вступают между собой люди. Согласно третьему постулату, значения регулируются и модифицируются через процесс интерпретации, используемый личностью в ходе взаимодействия с предметами, с которыми он сталкивается.

Блумер настаивает на том, что объекты с точки зрения их значений следует рассматривать как социальные продукты, формируемые и возникающие в процессе определения и интерпретации, имеющем место во взаимодействии людей. Смысл абсолютно всего, подчеркивает социолог, должен быть сформирован, познан и передан через указательный процесс, который по необходимости есть процесс со-

циальный. «Жизнь человеческой группы на уровне символического взаимодействия, – пишет он, – есть широкий процесс, в котором люди формируют, поддерживают и трансформируют объекты своего мира через придание значений этим объектам. Объекты не имеют никакого фиксированного статуса, кроме собственных значений, которые поддерживаются через указания и определения, создаваемые людьми» [11]. Преобразование значений обусловлено, по Блумеру, «двойственным процессом дефиниции и интерпретации», в ходе которого устоявшиеся образцы совместного действия либо поддерживаются, либо трансформируются. Паттерны групповой жизни, отмечает американский ученый, существуют и сохраняются только через постоянное использование одних и тех же схем интерпретации, причем схемы эти поддерживаются только благодаря постоянному подтверждению через определительные действия других. Очень важно признать, подчеркивает Блумер, что установленные образцы жизни группы, а следовательно, её солидарность ни в коем случае не являются самовоспроизводящимися; их продолжительность целиком и полностью зависит от периодически повторяющегося «утвердительно определения». «Позвольте только интерпретациям, поддерживающим паттерны группы, быть размытыми или подорванными изменившимися определениями со стороны других, и эти паттерны могут рухнуть в мгновение ока» [12].

«Совместное действие», в ходе которого поддерживаются или пересоздаются социальные значения, лежащие в основе солидарности, обнаруживает себя в обществе повсюду, утверждает Блумер. Семейный ужин, коммерческие сделки, церемония бракосочетания, игра, спор, суд, война – все это примеры такого действия, которое ранжируется от простого сотрудничества двух людей до сложного комплекса деятельности гигантских организаций или институтов. Именно в понятии совместного действия и его анализе заключается главный пафос критики Блумером структурного функционализма.

Объяснение социального действия с помощью двух генеральных категорий – конформности (приверженности структуре) и девиации (отторжения от структуры) – представляется Блумеру, по меньшей мере, недостаточно обоснованным. Именно совместные действия, и ничто иное, настаивает социолог, создают солидарность, формируют структуру или организацию, определяют принципы их существования.

Таким образом, социальная солидарность в символическом интеракционизме выступает результатом постоянного взаимодействия людей, в ходе которого подкрепляются и/или переопределяются основные смыслы и значения социальных объектов, разделяемые членами данной группы или общества. Заметим, что люди в трактовке Блумера выступают более рефлексивными и критически мыслящими существами, нежели они предстают в феноменологической социологии Шютца. Другими словами, солидарность с точки зрения Блумера всегда под вопросом, и необходимы сознательные и ответственные усилия индивидов для того, чтобы символические скрепы данного сообщества не распались, а «совместное действие» продолжало выполнять свою интегративную роль.

Итак, в основных направлениях современного социально-философского теоретизирования проблематика солидарности концептуализируется следующим образом: в структурном функционализме солидарность является феноменом, с одной стороны, объективированного характера, как и социальная система вообще, с другой стороны – максимально динамичным явлением, обусловленным комплексом повседневных взаимодействий акторов, выступающим главным условием стабильности и воспроизводства социальной системы, условием чего выступает постоянный контроль над изменениями как внешнего, так и внутреннего характера. Присутствует в структурном функционализме и тандем насилия и социокультурной компоненты как дуальное основание социальной солидарности.

В феноменологической социологии солидарность выступает своего рода априорным, социально предопределенным феноменом, в полном соответствии с неокантианским видением. Практически полностью отсутствует насилие как один из существенных элементов солидарности, а индивид выглядит не столько актором и субъектом социального творчества, сколько реципиентом готовых символических форм, воспринимаемых им без всякого критического дискурса.

В символическом интеракционизме социальная солидарность выступает результатом повседневного взаимодействия людей, в ходе которого подкрепляются и/

или переопределяются основные смыслы и значения социальных объектов, разделяемые членами данной группы или общества. Индивиды здесь выступают более рефлексивными и критически мыслящими существами, нежели в феноменологической социологии. Солидарность есть динамическое и не гарантированное состояние, требующее постоянного внимания со стороны всех участников интеракционного комплекса. Основную интегративную роль играют «совместное действие» и его интерпретации, близость которых обеспечивает консолидацию социума.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Parsons T. Values, Motives and Systems of Action* // Parsons T., Shils E. (eds.) *Toward a General Theory of Action*. Cambridge: Harvard University Press, 1954. P. 139.
2. *Ibid.*
3. *Ibid.* P. 138.
4. *Parsons T. The Social System*. New York: The Free Press, 1951. P. 139.
5. *Ibid.*
6. *Ibid.*
7. *Parsons T. Values, Motives and Systems of Action*. P. 108, 140.
8. *Ibid.*
9. *Schutz A. The Problem of Social Reality*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1962.
10. *Ibid.* P. 141, 319.
11. *Blumer H. Symbolic Interactionism. Perspective and Method*. Berkeley: University of California Press, 1969. P. 130.
12. *Ibid.* P. 130, 12.

MODERN SOCIAL AND PHILOSOPHICAL CONCEPTIONS OF SOLIDARITY

V.T. Zhalkiev, Head of the Department of Scientific Research and Scientific Information Organisation of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The general summary of the social and philosophical conceptions of social solidarity in the works of T. Parsons, A. Schütz and H. Blumer has been represented. The role and significance of the subject matter in structural functionalism and interactionist approaches have been analysed.

Key words: *solidarity, social philosophy, phenomenology, structural functionalism, symbolic interactionism.*